
Владимир Демин

Разговор

Рассказ

Пасмурным октябрьским утром Трофимов Альфред Кондратьевич стоял в здании новосибирского железнодорожного вокзала, зябко кутаясь в коричневый таслановый плащ. У его ног находилась полосатая матерчатая сумка с матовой металлической застежкой, выполненная в форме английского саквояжа. Альфред Кондратьевич был невысоким полноватым мужчиной тридцати лет с тугими розовыми щеками, круглыми умными глазами и пухлыми, сложенными трубочкой губами, придававшими ему не то задумчивый, не то сердитый вид. Трудился он в должности старшего юрисконсульта в одной из местных консалтинговых юридических контор. И сейчас был направлен в командировку для участия в судебном заседании, которое должно было состояться через три дня в неизвестном ему зале арбитражного суда нижегородской области.

Когда на информационном табло загорелась надпись, извещающая о прибытии на третий путь пассажирского поезда «Северобайкальск — Москва», билет на который, аккуратно вложенный в паспорт, находился во внутреннем кармане его тасланового плаща, Альфред Кондратьевич остался на месте и терпеливо дождался, пока динамики громкоговорителя, пролаяв сильно покаленным голосом диктора, не подтвердили ту же самую информацию. Удовлетворенный Альфред Кондратьевич кивнул головой, взял свой саквояж и направился в сторону подземного перехода, ведущего на железнодорожную платформу № 3.

Пройдя по подземному туннелю, тускло освещенному мигающим светом умирающих ламп, поднявшись по сырой железобетонной лестнице, он оказался в неуютных объятиях холодного воздуха, осеннего морозящего дождя и пронизывающего ветра. Высоко подняв воротник, ссутулившись и сильно втянув голову в плечи, Альфред Кондратьевич вышел на середину перрона и замер. По его расчетам, предназначенный ему вагон должен был непременно образом остановиться у того самого места, где стоял Альфред Кондратьевич. И этот вагон, несомненно, остановился бы именно там, если бы имел об этом какие-нибудь представления. Но он этого не знал, и поэтому Альфреду Кондратьевичу пришлось бежать, шлепая по лужам, вслед за проехавшим мимо глуповатым вагоном.

Демин Владимир Михайлович родился в 1980 году в Новосибирской области. Окончил Новосибирский военный институт ВВ МВД России, Новосибирский государственный университет, Институт философии и права СО РАН. Живет в Новосибирске.

Прежде в литературных журналах не публиковался.

Наконец, когда Альфред Кондратьевич (который, по его личному и авторитетному мнению, всегда добивался своего) догнал вагон и, недовольно пыхтя и даже еле слышно поругиваясь, нашел предназначенное ему купе, он смог с удовольствием разместиться на полагавшейся ему нижней полке и дать своему телу, не избалованному занятиями в спортивном зале, заслуженный и долгожданный отдых.

Пятью минутами позже мокрый плащ висел на плечиках справа от раздвижной двери, там же висел и матерчатый портплед, который он извлек из саквояжной сумки и куда поместил свой брючный костюм, а сам Альфред Кондратьевич, облачившись в синее трико и серую футболку с надписью «Veni, vidi, vici» в обрамлении ожерелья лаврового венка, растянулся во весь рост на застеленном свежей простыней матрасе и принялся деловито листать прошлогодний выпуск журнала «Арбитражная практика», прочитать который за время поездки он дал себе слово (а Альфред Кондратьевич всегда следовал своему слову). Отправляясь в командировку, он неосмотрительно хотел было взять с собой книгу «1000 мистических загадок истории», давно интересовавшую его и имевшуюся в домашней библиотеке, но, как затем дальновидно рассудил Альфред Кондратьевич, в дороге наверняка ему попадутся попутчики, и эта книга, несоответствующая его интеллектуальному образу, могла дать им совсем неверное и несерьезное представление о его персоне. Поэтому Альфред Кондратьевич набил свою сумку давнишними юридическими журналами, которые он wygrеб из ящика рабочего стола и часть из которых все еще находилась в нетронутой полиэтиленовой упаковке.

Его интеллигентскому времяпрепровождению помешала какая-то шумная внезапно возникшая суeta в коридоре, на которую он сразу отвлекся. Альфред Кондратьевич встрепенулся, насторожился и отложил в сторону несильно занимавший его журнал.

Коридорный гвалт приближался и вскоре, подтвердив все самые тревожные опасения Альфреда Кондратьевича, мощно врезался в двери его купе, затарабанил по ним и бесцеремонно отодвинул в сторону эту зияющую зеркалом преграду.

На пороге стоял бледный, худощавый молоденький проводник, приплюснутый к дверному проему сзади нависающей над ним женщиной лет пятидесяти такого богатырского телосложения, которому позавидовал бы даже благородный ёкодзун¹.

— К вам попутчица, принимайте, — виновато улыбнулся проводник, и тут же был отброшен в ноги к Альфреду Кондратьевичу животом протискивающейся следом женщины.

Потная дочь Геи и Урана пробралась на середину купе и обвела своим победоносным взглядом окружающее ее маленькое пространство. Затем она поднесла билет к самому своему лицу и басом огласила приговор:

— Семнадцать, — и, глянув на проводника, все еще барахтающегося в ногах у Альфреда Кондратьевича в своих бесплодных попытках подняться, коротко спросила: — Где это, братишка?

— Ззд-десь! — заикаясь, ответил проводник и ткнул пальцем в Альфреда Кондратьевича.

— Что значит «здесь»?! — возмутился Альфред Кондратьевич. — Это мое место... У меня и билет имеется, — он поднял со стола спасительную плацкарту.

— Нумер-то какой у тебя, братишка? — прогремело с потолка.

Альфред Кондратьевич смешался от такого бестактного обращения с ним.

---

¹ Ёкодзун — высший ранг в японской борьбе сумо.

— Что значит «номер какой»? Мое место, говорю, номер «18». Я все проверил. Нижнее.

Тяжелый взгляд дамы воткнулся в уже почти вставшего с полки проводника, снова пригвоздив его к ногам Альфреда Кондратьевича:

— Ну? Какой там номер?

— Сссемнадцать, — простучал зубами тот, всей своей малоопытной душой железнодорожного практиканта чувствуя назревающий конфликт, а возможно, и побоище, в котором и он сам может пострадать (что уже с ним случилось).

— Что значит «ссемнадцать»? — Альфред Кондратьевич неосознанно передразнил проводника.

С потолка вырвался на свободу тяжелый вздох и зашевелил редкие волосы на макушке Альфреда Кондратьевича.

— Ну, чё лясы точить... сказано «семнадцать», значит, семнадцать, чего непонятного? Тебе же проводник популярно толкует — нижний номер мой. Давай, братишка, двигай маслами.

— Что? — растерялся Альфред Кондратьевич.

— Шконарь, говорю, освободи, — протрубила женщина.

— Семнадцатое — это нижнее, да-да, нижнее, — торопливо закивал проводник и указал на железную табличку с номерами и расположением мест. К немалому удивлению Альфреда Кондратьевича цифра «семнадцать» действительно находилась снизу под цифрой восемнадцать, что очевидно подтверждало слова проводника. Надо сказать, что Альфред Кондратьевич помимо удивления от этого испытал еще и некоторое облегчение: его профессиональная интуиция и четкий молниеносный анализ физиогномики дамы подсказывали, что эту монументальную особу, в случае чего, вряд ли остановило бы истинное расположение мест в купе, и ему, как человеку принципиальному и справедливому, пришлось бы отстаивать свет правды перед натиском грубой неотесанной силы, подвергая себя унижительному риску физического поражения от женщины, а этого ему жутко не хотелось.

Альфред Кондратьевич собрал свои вещи и молча переместился на верхнюю полку. А когда несколько сконфуженный всем этим событием проводник предложил ему занять свободное нижнее место номер «19», заверив, что до самого Нижнего Новгорода других пассажиров в их купе не будет, отказался со стучащим в висках чувством собственного достоинства и тонким пониманием инструкций, правил и установленного порядка железнодорожных перевозок. Слушая их диалог, дама бестактно вторглась в него и беззлобно пожурила проводника:

— Что же ты, голова садовая? Зачем же мы дядю загнали на насест, я бы и сама там разместилась, — она мясистым перстом указала на соседнее нижнее место. — Эх ты, чебурашка малахольный...

Женщина снизу двинула пудовым кулаком по основанию полки, на которой только что устроился Альфред Кондратьевич, отчего тело его на несколько сантиметров подбросило в воздух.

— Эй, братишка, хош на мое место?

Альфред Кондратьевич поправил одеяло и недовольно ответил:

— Я, кажется, уже обозначил свою позицию.

— Нукакхош, — произнесла женщина странную фразу и начала вынимать газетные свертки из своего клетчатого китайского баула. Запахло колбасой, свежими огурцами и шпротами.

Проводник попятился к выходу.

— Ну, я пппойду? Если нужен будет чай, скажите, — пролепетал он.

— Разберемся, братишка... иди... — медленно протянула дама, не отвлекаясь от своего занятия.

Она разложила на столе многочисленные припасы, достала охотничий нож и стала толстыми ломтями нарезать вареную колбасу.

На верхней полке заворочался Альфред Кондратьевич, — дома он не позавтракал, и теперь желудок, раззадоренный запахом еды, скрутило от голода.

Женщина усмехнулась.

— Чего маешься-то там, горемыка? Сигай вниз, хавать будем.

— Спасибо-спасибо. Я не хочу, — вежливо ответил Альфред Кондратьевич и проглотил накопившуюся во рту слюну.

Женщина громко расхохоталась:

— Да сигай вниз, братишка, не бзди! Меня чоли испугался? Схавай бутербродик один... с колбаской... Колбаска свежущая, — ее широкие ноздри шумно втянули воздух, а глаза мечтательно закатились.

Альфреду Кондратьевичу было неприятно, когда его учтивость принимали за робость и нерешительность, поэтому он, дабы доказать этой неприятной особе, что она его совершенно не пугает, не волнует и ни капельки не интересуется как личность, со словами: «Ну, если только один бутербродик», — кряхтя спустился вниз.

Альфред Кондратьевич сел за столик напротив женщины и, чтобы поддержать беседу (из вежливости), спросил:

— А колбаска у вас из чего будет?

— Из мяса! — хохотнула дама, а потом, на секунду задумавшись, посетовала: — Да кто ее сейчас разберет, из чего... ты, главное, смотри, братишка, чтобы там хрящей с волосами не было.

— Волосы? — не понял Альфред Кондратьевич.

— Ну... крысы бегают, бегают по мясному цеху... Потом хрясь в мясорубку, — и в колбасу...

Альфред Кондратьевич брезгливо поморщился и почувствовал, что аппетита у него поубавилось. Ему почему-то сейчас казалось, что если крысы и вправду где-нибудь прыгают в мясорубку, то определенно в том месте, где делают эту колбасу, которую неприятная женщина сейчас нарезает.

Увидев его искаженное лицо, она по-совиному заухала, выражая восторг от произведенного эффекта:

— Да шучу я, братишка! — оскалилась она своими крепкими здоровыми зубами.

Альфред Кондратьевич сконфузился и покраснел. Он смотрел на эту женщину и думал, что, наверное, ему за всю его жизнь не встречалось более бесцеремонного, неотесанного, нелепого, бесполезного существа. С ее плоскими шутками, с тыканьем незнакомым людям, с хабальской манерой вести себя. Нет. Это был какой-то особый, что ли, род людей... Копощащихся в грязи, в пошлости и грубости. И как тут не поверить Ломброзо? Весь вид этой женщины свидетельствовал о том, кто она есть. Базарная баба, плюющая сквозь зубы коричневую никотиновую слюну, пьющая стаканами водку, звучно заворачивающая похабные семиэтажные маты и сама смеющаяся над ними. Без настоящей цели в жизни, без высоких стремлений и идеалов. Одно слово — быдло! «Братишка... — мысленно повторил за ней Альфред Кондратьевич. — Какой я тебе братишка, чучело огородное?»

— Да, братишка, меня тетя Наташа зовут, будем знакомы! А ты? — ее темные, как у узбечки, глаза уставились на него.

— Альфред... — промямлил Альфред Кондратьевич, в первый раз не желая произносить свое полное имя при знакомстве. Окутавшая его липкая хамоватая обстановка купе и тучная грубиянка, сидевшая напротив, к этому совсем не располагали.

Тетя Наташа осклабилась крупными белыми зубами:

— Ну, Альфред так Альфред... чего уже теперь, не Адольф, да и ладно, — после этих слов она опять заухала, сотрясаясь всем своим многоцентнерным телом.

От возмущения Альфред Кондратьевич покраснел во второй раз. «Альфред — не Адольф», тьфу ты, идиотка... И училась, поди, по спецпрограмме. Господи, куда же она едет?

Через минуту, успокоившись, она протянула ему бутерброд, состоящий из куска черного хлеба, толстого ломтя колбасы и плоского овала зеленого свежего огурца.

— На-ка вот, братишка Адольф, пфу ты, пропасть, Алфрэд! — она снова прыснула.

Альфред Кондратьевич бутерброд взял, но на этот раз хамства и невежества не стерпел:

— Что вас, собственно, так веселит, сударыня? Имя Адольф носили художник Ваббе, например... Шапиро... знаете такого режиссера? А афоризмы Фрейдберга не читали? Нет? Так вот, и он не Аркадий, а Адольф, к вашему сведению, — гневно выпалил он.

Тетя Наташа расплылась в добродушной, пухлой, как свежая булочка, улыбке:

— Умный, чоли? Ладно-ладно, к лешему этого Адольфа, далеко едешь-то, братишка?

«У-м-н-ы-й ч-о-л-и», — Альфред Аркадьевич мысленно рассмеялся: кому я говорю про Ваббе? Где ты училась, бегемот? Она из художников, наверное, в лучшем случае одного Шишкина знает, и то потому, что в ее время во всех столовках висела репродукция «Утро в сосновом лесу». Ну еще, может, какого-нибудь «Михеича», за чекушку малюющего афиши в той дыре, из которой она вылезла.

— Але... братишка, куда едешь-то? — прервал его размышления настойчивый голос попутчицы.

— В Нижний Новгород, — буркнул он.

— В Нижний Новгород, далеко... — протянула попутчица. — А я в Ишим... доча у меня там...

«Бог услышал мои молитвы!» — обрадовался про себя Альфред Кондратьевич. До Ишима они должны были доехать сегодня к вечеру. От этого Альфред Кондратьевич ощутил тепло удовольствия, разливающегося по груди, и на этой волне, придавшей бодрости и смелости, решил умно поиздеваться над тетей Наташей — интеллектуально отомстить ей за отголоски унижения, которые все еще ощущались где-то глубоко.

— Доча ваша, наверное, далеко пошла, судя по вашему потенциалу... как минимум квалифицированный оператор ручного доения, грамоты получает всякие... — сказал, стараясь придать своему голосу серьезность.

— Ишь ты, завернул... — уставилась на него тетя Наташа. — Оператор доения? Это чоли доярка? А ты их сам-то вживую видел? Ты вот, братишка, давай сгоняй-ка за кипятком лучше, ага. А там и потолкуем.

Немного раздосадованный ее командирским тоном, Альфред Кондратьевич поплелся к титану, по пути завернув к проводнику за стаканами. Когда он вернулся, валькирия уже достала откуда-то пакет с сушками и печеньем. Альфред Кондратьевич поставил на стол стаканы с кипятком, и она тут же всыпала в них два пакетика растворимого кофе с сахаром и сухими сливками.

Тетя Наташа пояснила, что доче ее девятнадцать лет, но она уже замужем, сейчас находится в декрете, а вообще, она после окончания техникума работает на Ишимском механическом заводе.

— Ну, тоже почетно, начальником шестеренкоподносочного цеха, наверное, — осторожно съязвил Альфред Кондратьевич. И злорадно подумал: «Девятнадцать лет, замужем, ребенок уже, работа на механическом заводе... предел мечтаний! Давай-давай, алкашня, плодите нищету, вся в мамочку, наверное».

— Неее, братишка, доча у меня в бухгалтерии; ейный муж, тот да, в цеху работяга.

— Ну а вообще, наверное, она в вас пошла, такая же русская монументальная красавица, порода на лице вон читается, — продолжал глумиться Альфред Кондратьевич.

Женщина широко улыбнулась и махнула своей рукой-оглоблей.

— Да неее, Адольф, какое там... доча у меня тощенькая, стройненькая, как статуеточка... А на лице-то много не прочитаешь, чо из себя кто представляет... Один очки нацепит, думаешь, умный, а ён дурак дураком.

«Прочитаешь, прочитаешь, — подумал Альфред Кондратьевич. — И очки тут ни при чем (у Альфреда Кондратьевича и у самого были очки, но без диоптрий, для солидности). Уж на твоём-то точно, — природная деградация отпечаталась... бесполезные, никчемные люди, что ты сделала-то для общества полезного в своей жизни, квашня деревенская? Живете ради удовольствия и плевать на всех и на всё: моя картошечка, мой кабанчик, самогоночка, смородинка в углу посажена, два телевизионных канала и тупые сериалы по вечерам — вот вся твоя жизнь!» Сам Альфред Кондратьевич считал себя человеком, приносящим пользу, он представлял интересы клиентов в судах, — это раз (правда, он делал это на возмездной основе, но, на его взгляд, это сути не меняло: добро и польза, за деньги они делаются или нет, остаются добром и пользой, иначе и быть не может), еще он как-то участвовал в благотворительном марафоне, куда его вытащила жена — это два; и иногда, видя бегущую строку по телевизору или ролик с просьбой о помощи, он отправлял на указанные номера по пять или десять рублей (правда, это было до того, как подключил себе тариф с абонентской платой, сделавший невозможными эти редкие акты милосердия); и самое главное, чем он чрезвычайно гордился и о чем говорил при каждом удобном случае всем своим знакомым, — Альфред Кондратьевич решил со следующего года сдавать донорскую кровь, и сама мысль о том, что он собирается это делать, давала его сердцу повод трепетать от благородства. И не его воспитание или образование заставляли его ощущать свое неизмеримое превосходство над этой грубиянкой-простушкой, а эти благие его дела и помыслы, стремление приносить пользу.

Солнце уже окончательно поднялось и мелькало в верхушках проносившихся мимо берез, утыканных черными вороньими гнездами. Есть хотелось сильно, и Альфред Кондратьевич, пристально осмотрев пожертвованный ему бутерброд и на всякий случай понюхав его, откусил маленький кусочек. Бутерброд оказался довольно сносным и даже, наверное, вкусным. Съев его, Альфред Кондратьевич неосознанно облизнул губы и посмотрел на продовольственное изобилие тети Наташи, призывно томящееся на столике. Она, перехватив его взгляд, подвинула к нему еще один бутерброд и сказала, чтобы он не стеснялся и брал все, что хочет. Как следовало из установленного им правила вежливости, Альфред Кондратьевич сперва отказался. Но уже через полчаса, плотно поев бутербродов с колбасой, копченой куриной грудки, свежих помидоров и огурцов, шпрот, петрушки, острой корейской моркови и обильно запив все это кофе, обессиленный откинулся назад.

Снисходительно глядя на потомка древних великанов, Альфред Кондратьевич, вздохнув с сытой доброй усталостью, проговорил:

— Вот вы, тетя Наташа, не знаю, как вас там по батюшке, какую книжку читаете? Куда движетесь в океане жизни? Что, по-вашему, смысл существования? — Он улыбнулся про себя: «Понимает ли она его сейчас?», но ему это было и не особенно важно в данную минуту, колбаса и грудки настроили его на философскую беседу, в которой главным действующим лицом, оратором и слушателем был он сам — Альфред Кондратьевич Трофимов.

— Вот я, к примеру, работаю юристом. Да. Я старший юрисконсульт. В моей работе есть все: и плохое, и хорошее. Но самое главное в ней есть что? В ней есть польза. Смысл человека в чем? Смысл человека в пользе. Приносишь пользу — живешь. Не приносишь — коптишь, существуешь. Женщинам, конечно, попроще, можно рожать детей и не задумываться особо... но это другое... я не об этом сейчас... Вот пожарный... потушил огонь, спас девочку из огня, — считаю, справился со своей задачей, выполнил норматив по пользе. Вдумайтесь только: спас жизнь человека! Врач, к примеру, тоже... если это ВРАЧ! Вот мы — доноры — кровь свою сдаем, ведь только вдумайтесь, каждая капля крови может оказаться решающей! Это облагораживает человека, что ли. Устаешь от этого хамства, грубости и пошлости, что видишь кругом... Наверное, в русском человеке это все заложено природой... И только прилив варяжской, кельтской, романской, англо-саксонской крови может произвести гибрид, способный на поступок... Вот мой прадед, например, был из поволжских немцев. Что-то в этом есть... Вы же сами видите наши деревни, сами, наверное, оттуда будете... и что? Нищета, навоз, грязь, разруха, деградация, скотство... А в наших же немецких поселениях что? Чистота, порядок, уют... У них, правда, нет чего-то другого... чего-то необходимого... — Альфред Кондратьевич покопался в словаре своей памяти и, не найдя подходящего слова, досадливо хмыкнул и продолжил. — Поэтому нужны гибриды... Чем-то нужно вытравлять генотип лени, в конце концов. Вот вы, я вижу, стопроцентная славянка, в лице что-то такое усматривается... — он ухмыльнулся. — Ведь так?

Тетя Наташа смотрела на него невозмутимо, а щеки на широком полотне ее загорелого лица двигались от старательного пережевывания среднего размера баранки, запихнутой в рот целиком.

— Ты, это... чоли... братишка, Адольф, мусорок снеси в тамбурок, — дама улыбнулась своей рифме. — А то вишь, солнышко раздухарилось. Затухнет... завоняется... — добавила она, не сводя с него своих цепких глаз.

Альфред Кондратьевич от такого резкого и неожиданного поворота философского диспута поперхнулся. Он нервно закашлялся, стараясь прочистить горло, брезгливо взял в руки черный полиэтиленовый пакет, заполненный колбасными шкурками, яичной скорлупой, смятыми замасленными газетами, голыми куриными косточками с остатками жил, разорванными пакетиками из-под кофе, — то есть со всеми этими «неэстетичными» отходами пышной купейной трапезы, и послушно поплелся к мусорному бачку в конец вагона.

Когда он вернулся, на столике был порядок, а белая замызганная салфетка, выполнявшая роль скатерти, заботливо расправлена. Тетя Наташа задумчиво смотрела на мелькающие за окном убранные картофельные поля, чернота которых была разбавлена кучами гниющей, блестящей от утреннего дождя ботвы.

— Аааа, братишка, вернулся, — протянула она, не поворачивая к Альфреду Кондратьевичу своей большой головы. — Ты вот спрашивал... я-то, да... русская... ага,

у нас все в роду русские, батя мой, матушка... бабка, та татарка... так и та русская! Ты, Адольф, будь уверен, из нашей она была, из русской татарвы, не турка какая! — закончила тетя Наташа с гордостью.

Альфреду Кондратьевичу неприятно было, что эта женщина постоянно называет его Адольфом, но один раз смалодушничав и не прекратив этого безобразия сразу, он не предполагал, как можно это теперь сделать, не потеряв лица и достоинства. Поэтому Альфред Кондратьевич решил стойчески не обращать на это внимания (собака лает, караван идет), тем более что до Ишима оставалось всего несколько часов мучений.

— Ты это, Адольф, вот чо, — сказала тетя Наташа внезапно. — Глянь, куда там этот малахольный подевался — обещал кипяточку, и нет... Ага... братишка.

«Да что я вам, мальчик на побегушках!» — хотел яростно крикнуть Альфред Кондратьевич, но вместо этого встал и послушно побрел к каморке проводника. Правда, перед этим, чтобы она не воображала себе, что он полностью порабощен, Альфред Кондратьевич сильно хлопнул раздвижной дверью.

Заглянув к проводнику, он застал его, взъерошенного и растрепанного, заполняющим какую-то тетрадь.

— Вы там кипяток обещали в пятое купе, — недовольно буркнул Альфред Кондратьевич.

Недоразумение в форменной одежде испуганно посмотрело на него:

— Одну секундочку, ссссейчас ппрпринесу. Срочно принимал сообщение из штабного вагона. Одну секундочку, все бббудет.

— Ага, — кивнул Альфред Кондратьевич и с ужасом понял, что чуть не добавил слово «братишка». — Господи, это что, заразно, что ли? — испугался Альфред Кондратьевич.

Ему не хотелось возвращаться в купе в общество этой вульгарной женщины, и он вышел в тамбур, где по его расчетам можно было освежиться прохладным воздухом. В тамбуре было по обыкновению сильно накурено, два бандитского вида мужика стояли и смолили сигареты, потягивая пиво из стеклянных бутылок. Едкий табачный дым из их ноздрей и ртов, как из жерл, готовящихся к извержению вулканов, сизой плотной струей поднимался к потолку, где немного рассеивался, обволакивая табличку с перечеркнутой красной линией сигаретой и надписью «курение запрещено».

Альфред Кондратьевич возмущенно кашлянул и демонстративно несколько раз глянул на запрещающую табличку, давая понять нарушителям неуместность и противоправность их поведения.

Мужики глянули на него осоловелыми глазами, и один из них, одетый в растянутую черную майку с надписью «Спасём Россию!», недобро скривился:

— Тебе чо надо, ботан? Чо зенки тарашись?

Альфред Кондратьевич быстро оценил обстановку и сообразил, что доказывать им что-либо совершенно контрпродуктивно. Весь их облик давал основание Альфреду Кондратьевичу полагать, что за толстокостными черепными коробками скрываются мозги величиной не больше грецкого ореха, как у динозавров. Да и мало ли чего можно было ожидать от этих птеродактилей? Судя по их внешнему виду, они вполне могли встречаться с тетей Наташей на каких-нибудь пересылках (о которых Альфред Кондратьевич имел представление из художественных фильмов про криминал), а может, они вообще были из одного барака с ней и вместе работали на руднике? Размышляя таким образом, Альфред Кондратьевич, сделав вид, что вопрос мужика адресован не ему, развернулся, чтобы уйти, открыл дверь тамбура и тут же врезался

во что-то огромное и мягкое. Перед ним живой непроходимой стеной возвышалась тетя Наташа.

— Ты чоли, Адольф, здесь дымишь? — грозно спросила она.

За спиной Альфреда Кондратьевича, словно радостные кони, заржали, загоготали мужики:

— Адольф! Хэндэхох! Гитлер капут!

Тяжелый, изучающий взгляд тети Наташи скользнул мимо Альфреда Кондратьевича и воткнулся в мужиков. Она, как горный поток, увлекая Альфреда Кондратьевича за собой, перекатилась внутрь тамбура.

— Чо лыбу давите? — нахмурилась тетя Наташа. — Чо, буквы читать не можете? По всему вагону куревом прёт, аж глаз режет.

Мужик, декларирующий спасение России, раскрылатил руки и губами с зажатой в них дымящейся сигаретой угрожающе процедил:

— Ты чо, тетка, попутала?

— Я те ща кочепатки твои с ходунами попутаю, обглодыш, — спокойно сказала тетя Наташа и могучей пятерней сгрэбла майку на груди мужика, и немного приподняла его над землей. Майка выскочила из штанов и задралась, освобождая белый дряблый живот, а сам мужик привстал на цыпочки и повис на врезавшихся в подмышки лямок, как мастер парашютного спорта, еще парящий в воздухе, но уже готовый приземлиться. Сигарета выпала из раскрывшегося от удивления рта.

Альфред Кондратьевич увидел, как манжета кофточка на руке тети Наташи съехала к локтю, обнажив испещрённое глубокими рытвинами бугристых шрамов предплечье, и еще он заметил, что тетя Наташа схватила мужика только четырьмя пальцами — пятый (большой палец) был странно вывернут и, не сгибаясь, торчал в сторону, словно не был заодно со своими остальными цепкими мясистыми собратьями. От этого зрелища у Альфреда Кондратьевича перекосило лицо, а по икрам и спине пробежали противные мурашки.

Тем временем мужик, так неожиданно для себя ощутивший космическую невесомость, опомнился, схватил тетю Наташу за запястье и рванулся всем своим бледным телом, стараясь освободиться. Но хватка валькирии была сильнее хватки кавказского волкодава.

— Валера, да ну ее, пойдем! — прогнусавил второй мужик, все эти минуты безмолвно созерцавший обреченное, барахтающееся противостояние своего товарища женщине-горе. Альфреду Кондратьевичу что-то подсказывало, что Валера был сейчас полностью солидарен с другом и сам был бы рад ретироваться, но стальной капкан даже неполного набора пальцев тети Наташи не оставлял ему никаких шансов.

— Нууу... пусти... майку порвешь... я ментов позову... пусти! — Валера еще раз, как болтающийся на крючке усталый окунек, вяло дернулся и замер.

И тогда тетя Наташа вдруг разжала пальцы. Валера от неожиданности охнул, потерял равновесие и бахнулся на колени. Точка была поставлена. Теперь не осталось сомнения, кто в этих тамбурных джунглях есть «Альфа».

Товарищ Валеры, боязливо поглядывая на тетю Наташу, помог другу подняться, и они спешно покинули тамбур. «Несгибаемый» Валера, пытаясь сохранить остатки самоуважения, скрываясь во мраке межвагонного перехода, вдруг обернулся к тете Наташе, циркнул слюной под ноги, попав на собственный тапок, и негромко проворчал:

— Придурочная!

На это Тетя Наташа так же вежливо пожелала ему на прощание всех благ:

— Вали, вали, волчара недоделанный!

А потом она повернулась к Альфреду Кондратьевичу и осуждающе покачала головой:

— Ох и бедовый ты мужик, Адольф, чо ты с ними связался-то? Ох и бедовый... Ладно, идем, братишка, — тетя Наташа хлопнула его по плечу, отчего Альфреда Кондратьевича качнуло в сторону.

По узкому коридору вагона Альфред Кондратьевич пробирался следом за тетей Наташей и думал, что, может быть, она чем-то и отличается от этих ее собратьев из тамбура... чем-то неуловимым... возможно, силой...

Остаток пути до Ишима Альфред Кондратьевич проделал на верхней полке, стараясь вникнуть в смысл статей, раскрывающих позиции Верховного Суда по самым различным процессуальным вопросам. Однако мысли его упорно вращались вокруг тети Наташи и произошедшего в тамбуре инцидента. «Ишь ты, гренадер-заступник, — думал Альфред Кондратьевич, испытывая необъяснимое чувство унижения и от этого злясь. — Все равно ее место рядом с ними. Одного поля ягода. Один тупиковый вид человечества. Быдло победило быдло! Более сильное пожрало более слабого... Закон мира диких животных. Эх, всех бы их отправить в резервацию, подальше от нормальных людей, придумать для них отдельные автобусы, поезда, выделить вагон в метро. Вот тогда и жить стало бы легче, свободнее, цивилизованнее... благороднее, что ли».

Внизу тетя Наташа принялась упаковывать сумки и вдруг, на что-то наткнувшись, произнесла радостным басом:

— Эй, братишка, ты про книжку спрашивал. Глянь, во чо читаю!

Над краем верхней полки показалась пухлая рука, сжимающая глянцевого переплет знакомой Альфреду Кондратьевичу книжки, на которой пурпурными буквами красовалось название: «1000 мистических загадок истории». Альфред Кондратьевич почувствовал сильную неловкость, будто его уличили в чем-то постыдном, и твердо решил по возвращении из командировки очистить свою библиотеку от этого чтива.

Поезд начал медленно сбавлять ход. За окном замелькали какие-то постройки грустного провинциального пейзажа.

— Подъезжаем. Ладно, братишка, бывай! Бог даст, свидимся, — сказала она.

«Да не дай Бог!» — подумал Альфред Кондратьевич и пожелал ей счастливого пути.

Тетя Наташа встала, потянулась громадой своего тела, почти достав до потолка могучими руками, и настезь открыла купейную дверь.

Мимо по коридору, по-видимому, возвращаясь из вагона-ресторана, проходили какие-то люди. Вдруг молодая симпатичная женщина лет под тридцать, с короткой под мальчика стрижкой, в брючном свободном костюме, остановилась:

— Батюшки! Наталья Николаевна! — ахнула она и всплеснула руками. — Наталья Николаевна, здравствуйте! Это я, Женя Ермакова! Узнаёте?

Тетя Наташа, как вязкий клюквенный кисель, расплылась в добродушной улыбке:

— Женечка, деточка, надо же! Ну пойдём, трясогузочка, проводишь меня, я в Ишиме схожу.

— Сходите? — расстроилась Женечка. — Да как же так, ехали в одном поезде... А я в Москву...

Тетя Наташа и Женечка исчезли из дверного проема, и их голоса стали удаляться по коридору, а через несколько секунд и вовсе были отрезаны от Альфреда Кондратьевича хлопнувшей тамбурной дверью.

Протяжно заскулив, заскрипев каждым болтиком, гаечкой и пружинкой, поезд остановился. В последний раз вздрогнул всей своей многосоставной железной протяженностью, будто собираясь передумать, и замер.

«Что может связывать эту исполинскую хабалку и хрупкую молодую женщину? — размышлял Альфред Кондратьевич. — На каких нелепых перекрестках жизни они могли встретиться? При каких обстоятельствах?»

Через пятнадцать минут поезд ожил, встрепенулся. Собираясь с духом, осторожно дернулся... осмелел, почувствовал силы, дернулся еще раз и с нарастающим стуком, покачиваясь из стороны в сторону, покотился по рельсам.

В купе к Альфреду Кондратьевичу ворвалась разруганная от свежего воздуха Женечка, сверкая блестящими, возбужденными глазами:

— Вы Адольф? — спросила она.

И Альфред Кондратьевич немного смешался и уже собирался объяснить, что он не то чтобы Адольф, а как раз напротив, Альфред Кондратьевич, но Женечка, не дожидаясь ответа, поставила на столик большой кулек с сушками: «Вот! Это вам от Натальи Николаевны!»

После тети Наташи Альфред Кондратьевич отчаянно нуждался в разговоре с умным, интеллигентным, интересным человеком и, судя по всему, Женечка этому соответствовала.

Поэтому, когда она повернулась к двери, Альфред Кондратьевич, желая завязать беседу, быстро спросил:

— Вы что же, ей родственница?

Вопрос сделал свое дело — Женечка махнула рукой и со словами: «Да какая там родственница», — машинально опустила на нижнюю полку.

— Не родственница? — продолжил наступление Альфред Кондратьевич, вылезая из своего гнезда и спускаясь вниз.

— Не родственница, — прошептала Женечка, покачав коротко стриженной головой. — Я в университете подрабатывала в одной краевой газете. Писала статью про Наталью Николаевну, в больницу к ней ездила.

— Статью? — изумился Альфред Кондратьевич и тут же, в свойственной ему манере, пошутил: — О колхозных надоях, что ли?

Женечка замахала руками:

— Ну что вы! При чем тут надои? Я писала цикл заметок про героев — наших алтайских земляков. Вы не слышали про Кузнецову Наталью Николаевну? Ну как же? Тогда все об этом писали, и передача по радио была... Лет семь-восемь назад волчьи стаи начали мигрировать из Казахстана на Алтай. Тогда местным деревням спасения не было... Дело в феврале случилось, у нас там интернат есть недалеко от одного райцентра, для детей из неблагополучных семей... И вот, представьте: вечер, темно, метель воеет, пять девочек возвращаются в интернат с фермы, где проработали весь день в коровнике... Директор интерната и глава фермерского хозяйства все это отрицали потом, но я докопалась! — Женечка самодовольно улыбнулась. — Ну так вот. Самой старшей из них лет двенадцать было... остальным и того меньше, восемь-девять, а старшей, да... точно, двенадцать было. Нет, вы представляете, такая обстановка, а они детей по темноте, без сопровождения! Пусть по деревне, пусть недалеко... но ситуация-то с волками всем известна была... В общем, идут девочки, идут (это я потом все пошагово установила), вдруг слышат рычание. Смотрят, а это волки! Три огромных голодных зверя и дети, вы представляете? Пробрались по темноте в деревню и наткнулись на беззащитную добычу. Ужас! Девочки испугались,

сбились в кучку... стоят, жмутся друг к другу спинами. Самая старшая начала кричать, отгонять волков, ножкой по воздуху пинать... Ну, один зверь ее за эту ножку-то и прихватил. Ту уж все девочки завизжали со страху. А дом Кузнецовых рядом стоял. Как Наталья Николаевна услышала шум? Метель воеет, ветер... Не знаю, чудо какое-то. Выскочила она из дома без верхней одежды, босиком, представляете? Подскочила к ним, значит, и тому волку, что старшую девочку грыз на снегу, кулаком по голове... Хрясь! Потом говорили, что она ему череп проломила с одного удара... правда, себе тоже несколько костей на кисти сломала... А потом еще интересней... Волки на нее бросились. Она одного, поменьше который, стряхнула, а матерого за холку и в пасть ему руку, ту самую, которая уже сломана, представляете? Прямо в пасть! И язык ему вырвала. Напрочь. Третий волк убежал сразу.

Потом расследование было, комиссия из края приезжала. На уши всех поставили. Директора интерната под суд отдали. Егеря отстрел объявили. А Наталье Николаевне тридцать шесть швов наложили. Хотели руку вначале отнять, но хирург молодец! Спас! Хотя из армии ее все равно комиссовали... Да! Она же в армии служила! В войсках там каких-то... не помню уже... в командировках на Кавказе даже была. Служила в отряде специальном, что ли... они там все друг друга как-то так еще называли, «братанами», что ли? А, нет! Вспомнила — «братишками»... У них и журнал был свой, «Братишка» назывался, про нее там тоже писали... У матери в отпуске тогда гостила... А дети все невредимые остались, кроме старшей... Та инвалидом стала, ей волк сухожилие порвал, так оно неправильно срослось у нее потом. — Женечка вздохнула. — Я видела ее позже, через год примерно, идет и хромает, ножку подволакивает, так жалобно, будто воробушек подбитый... Наталья Николаевна, когда выписалась из больницы, родителей этой девочки искала... Нашла (я ей тоже помогала). Говорила с ними... договаривалась... В общем, она ее удочерила, представляете? Своих детей-то у Натальи Николаевны не было, да и замужем она, вроде, не была никогда. Так ту девочку и воспитала. А сейчас у нее пятнадцать детей из детдомов разных! Хозяйство большое! Ее в краевую администрацию приглашали, медаль вручали, грамоту. Из Москвы звонили, поздравляли, на программу какую-то приглашали, но она не поехала... Я про нее потом справки наводила... Может, книгу напишу когда... Знаете, побольше бы таких людей нам! Вот кто занимается настоящим чем-то! Чем-то до безумия нужным и полезным! Святая женщина!

Женечка, спохватившись, быстро глянула на тонкую серебряную змейку наручных часов.

— Вы меня извините, Адольф, мне пора. До свидания!

Не дождавшись от Альфреда Кондратьевича ответа, Женечка хмыкнула, пожалала плечами и выпорхнула из купе.

Альфред Кондратьевич сидел, уставившись в окно, за которым проносились темные контуры погруженных в вечерние сумерки деревьев, и в третий раз за этот день его лицо заливала краска... краска жгучего стыда.